

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В СЛОВАРЯХ

УДК 81'374.3 ББК Ш105.32

Е. Н. Басовская
Москва, Россия

ЧИСТОТА ЯЗЫКА? ЧИСТОТА СЛОВАРЯ? (ИЗ ИСТОРИИ «ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА» ПОД РЕД. Д. Н. УШАКОВА)

Аннотация. Статья посвящена одному из важных аспектов советской языковой политики – формированию мифа о так называемой «чистоте языка». Критическая реакция прессы на первый том «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова ярко демонстрирует участие средств массовой информации 1930-х гг. в создании образа идеального языка, освобожденного от вульгаризмов, диалектизмов, жаргонизмов, сугубо книжной заимствованной лексики. Автор обнаруживает отражения мифологемы «чистота языка» в современном общественном сознании.

Ключевые слова: языковая политика, «чистота языка», лексикография, толковый словарь русского языка, средства массовой информации.

E. N. Basovskaya
Moscow, Russia

PURITY OF LANGUAGE? PURITY OF THE DICTIONARY? (FROM HISTORY OF "EXPLANATORY DICTIONARY OF RUSSIAN" UNDER THE EDITORSHIP OF D. N. USHAKOV)

Abstract. The article is devoted to one of important aspects of the soviet language policy – formation of the myth about so-called “purity of language”. Critical reaction of the press to the first volume of “The explanatory dictionary of Russian” under the editorship of D. N. Ushakov brightly shows participation of mass media of the 1930th in creation of an image of the ideal language exempted from vulgarizms, dialecticisms, jargons, special lexicon. The author finds some reflections of “purity of language” in modern public consciousness.

Keywords: language policy, “purity of language”, lexicography, explanatory dictionary of Russian, mass media.

Идея подготовки советского толкового словаря была высказана В.И. Лениным. В январе 1920 г. он писал А.В. Луначарскому: «Не пора ли создать словарь настоящего русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых теперь классиками, от Пушкина до Горького. Что, если посадить за сие 30 ученых, дав им красноармейский паек?» [Ленин 1970: 122]. Основоположник советского государства со свойственной ему политической прозорливостью уже в первые годы существования новой власти осознал, что она нуждается и в такой форме идеологической поддержки. В тоталитарном обществе словарь становится одним из важных инструментов формирования особой картины мира, которую отличает прежде всего однозначное деление реалий на «свои» и «чужие», взглядов – на «верные» и «неверные», вообще резкое противопоставление позитивного и негативного, а также выявление политической подоплеки нейтральных, на первый взгляд, фактов.

Работа над воплощением ленинской идеи была энергично начата в 1921 г. Главнаукой (Главным управлением научными, научно-художественными и музейными учреждениями) – подразделением Академического Центра Наркомпроса. Редакции словаря были предоставлены помещение, оборудование, выделены пайки, в том числе 15 совнаркомовских¹. Работа над составлением словаря велась очень энергично. К концу 1922 г. было подготовлено около 200 тысяч карточек со словарными материалами. Но

государственная поддержка внезапно начала стремительно сокращаться. Председатель Редакционного Комитета А.Е. Грузинский докладывал руководству: «Пайковое снабжение прекращено. Вознаграждение сотрудникам всех рангов выплачивается по низким ставкам и столь неаккуратно, что в течение уже двух месяцев не производилось никакой выдачи. Работоспособность падает»².

В 1923 г. распоряжением Коллегии Наркомпроса редакция была расформирована, сотрудники переведены в другие подразделения Главнауки, доступ к подготовленным материалам прекращен. Д.Н. Ушаков вел переписку с Госиздатом, пытаясь добиться финансирования для продолжения работы и издания словаря. Однако добиться государственного внимания к составлению и публикации первого советского толкового словаря удалось только через 10 лет.

Возвращение к идее нового, советского толкового словаря состоялось в изменившихся политических и культурных обстоятельствах. К началу 1930-х гг. советская власть существенно укрепилась и все более решительно добивалась строгого единомыслия во всех областях жизни. Среди множества объектов, к которым целенаправленно формировалось однозначное отношение общества, был и русский язык. Партийная пресса стала уделять большое внимание его состоянию и перспективам развития. В 1933 г. известный прозаик К. Федин опубликовал в «Литературной газете» большую статью «Язык литерату-

¹ Архив РАН. Ф. 502. Оп. 3. Ед. хр. 96. Л. 4.

² Архив РАН. Ф. 502. Оп. 3. Ед. хр. 96. Л. 5.

ры», где многократно повторил типичное для советской риторики слово «борьба»: «борьба за культуру художественной речи», «борьба за здоровую языковую культуру», «борьба за чистоту речи»³.

Следующий, 1934 год, оказался исключительно богат публикациями на лингвистические темы, более того – обсуждение вопросов «чистоты языка» обрело характер организованной газетной кампании. По подсчетам Д.Ю. Климайте, в центральных газетах и журналах было опубликовано в 1934 г. 250 статей и заметок, в которых рассматривалась проблема литературного языка и языка художественных произведений [Климайте 1989: 10–11].

Зачином для широкого обсуждения проблемы стала дискуссия о языке романа Ф. Панферова «Бруски». Писатель, по версии, сделавшей позднее официальной, «злоупотреблял правом беллетриста использовать все богатство родного языка, перенасыщал речь своего романа диалектизмами, жаргонизмами и иными нелитературными средствами» [Климайте 1989: 8]. С этим мнением решительно не согласился А. Серафимович, считавший язык прозы Ф. Панферова истинно народным. В статье «О писателях «облизанных» и «необлизанных» [Литературная газета. 1934. № 13: 2] говорилось, что Панферову не надо слишком усердно работать над «облизыванием» художественной формы: он от природы наделен «мужицкой силой» и именно по его романам люди будущего станут изучать послереволюционную эпоху.

Напечатав текст Серафимовича, редакция «Литературной газеты» поспешила отмежеваться от его точки зрения и солидаризироваться с М. Горьким, осуждавшим нарушения норм литературного языка. В статье «О «корявой мужичьей силе» [Литературная газета. 1934. № 16: 1] утверждалось, что Горький «борется за ленинскую линию в языке». Более того, в газете подчеркивалось: «... борьба за чистоту языка имеет не только стилистическое, но и политическое значение. Произвольное словоупотребление, игнорирование синтаксиса и т.п. затемняют мысль писателя, способствуют контрабандному протаскиванию всякого вздора, неправильных, вредных положений, обуславливают разнузданность мышления».

Показательно, что редакция призвала писателей и критиков «горячо откликнуться на дискуссию», заранее объявив, что Горький «глубоко прав».

Дискуссия превратилась в публикацию заверений в верности ленинским заветам и горьковским требованиям, связанным с «очищением языка». Особенно горячо признавал свои ошибки писатель Е. Пермитин. В «Письме М. Горькому» он клялся, что, редактируя собственную новую книгу, «выжиг из нее весь отвратительный... словесный областной мусор», «заменял идиотские... областные слова вроде: «без усика» – на прямоту, «не волташишь» – не суется и т.д. ... Выбросил ряд сальных словечек, брошенных, хотя бы и в озлоблении, на собрании... Я понял, – заверял пролетарского классика сибирский прозаик, – что словесная небрежность, многословие вредно уже потому, что портит вкус читателя, отнимает лишний труд у наборщиков, лишнюю

бумагу у издателей» [Литературная газета. 1934. № 27: 2].

Что же понимал Горький под сохранением, защитой, улучшением языка? Он широко использовал те же лозунговые сочетания слов, что и его предшественники, в частности, много говорил о «борьбе за чистоту языка». Среди примеров «паразитарного хлама», засоряющего современную русскую речь, у Горького основными оказались «новые словечки», то есть молодежные жаргонизмы, такие как «мура», «буза», «волынить», «шамать», «дай пять» и другие. Взгляды М. Горького представляют собой синтез неприятия диалектных и других необщепринятых речевых средств и одновременного стремления к жесткой стандартизации литературного языка.

В продолжение горьковской публикации в следующем номере газеты была помещена редакционная статья «За культуру языка» [Литературная газета 1934. № 34: 1], дополнившая перечень «паразитарных явлений» диалектизмами и бранными словами. По мере уточнения списка «врагов» языка нарастал и пафос лозунгов, завершавших публикации. Происходила отчетливая политизация проблемы. Разговор шел теперь не просто о качестве речи, но о соответствии современного русского языка великим задачам построения социализма. «Борьба за культуру языка, – говорилось в передовой статье, – есть борьба за культуру социализма в целом».

Весной 1934 г. «Литературная газета» опубликовала подряд четыре редакционные статьи, в которых разъяснялось, что при социализме стихийное развитие языка невозможно, языковое строительство ведется сознательно и планомерно, являясь частью «воспитания масс».

В редакционных материалах ставился знак равенства между понятиями «хороший язык» и «доступный язык», причем речь шла о доступности широким массам. Доступность же предполагала ясность и простоту словесных форм. Среди вредных речевых явлений были названы жаргонизмы, диалектизмы и «кудрявые фразы», то есть риторическая избыточность.

Дискуссия 1934 г. велась с использованием всех средств, имевшихся в арсенале советской печати: она включала публикации профессиональных журналистов, писателей, ученых, а также сатирические материалы, письма трудящихся и, наконец, статьи партийных лидеров.

В этом ряду особенно интересны выступления читателей из числа рабочих. Их мнение, как и точка зрения партийных руководителей, воспринималось как однозначно верное, выступало в дальнейшем в качестве ценностного ориентира. И именно представителям Сталинградского тракторного завода было доверено публично отречься от псевдонародных, «мужицких» словечек, таких как «чаво», «таперь» и «покель» [Литературная газета. 1934. № 51: 4]. Таким образом, дискуссия о языке внесла свой вклад в закрепление в сознании читателей одной из идеологически важных оппозиций – «рабочий – крестьянин». В ходе обсуждения лингвистических вопросов ярко демонстрировалось, что понятие «народный»

³ Архив РАН. Ф. 502. Оп. 3. Ед. хр. 9. Л. 3.

не только не тождественно понятию «крестьянский», но и во многом ему противоположно.

Параллельно тема качества речи была затронута и «Правдой». В заметке «Все ярче горят огни большевистского слова» редакция главной партийной газеты заявляла: «читатель вправе потребовать, чтобы газета не обедняла в не бюрократизировала бодрый, радостный язык эпохи... Все произведения вождей большевизма отличаются предельной

ясностью, четкостью формул и положений, чистотой и образностью языка. Этим качествам надо учиться нашим работникам печати... Этими качествами должны быть пронизаны все страницы всех видов нашей печати» [Правда. 1934. № 122: 1]. «Правда» поддержала сторонников простого и ясного стиля и сформулировала необходимость ориентироваться в литературной практике прежде всего на язык не писателей-классиков, а политиков.

В одной из последних тематических публикаций 1934 г. Ф. Панферов указал, что в языке революции соединились три начала – язык деревни, язык города и лучшая часть – язык вождей. Основной тенденцией развития русского языка в эпоху построения социализма писатель назвал очищение «от хлама» (термин М. Горького) и достижение «мудрой простоты» [Литературная газета. 1934. № 111: 2].

В ноябре 1934 г. в опубликованной в «Правде» статье под названием «О чистоте языка наших газет» утверждалось: «Необходимость объявления похода за очищение газетного языка от бюрократического хлама и за превращение его в безусловно понятный и доступный миллионам, подлинно народный язык – серьезнейшая задача дня» [Правда. 1934. № 325: 1. Подчеркнуто мною. – *Евг. Б.*]. Очевидно, что главная партийная газета страны, не принимавшая непосредственного участия в дискуссии о языке, развернувшейся ранее в писательских кругах, поддержала М. Горького (о чьей безусловной правоте говорилось прямо) с его идеями простоты и доступности как показателя не только лингвистической, но и политической чистоты речи.

Через месяц «Правда» опубликовала отклики читателей на статью о языке газет. В редакционном предисловии говорилось о том, что газета, пользующаяся засоренным языком, уподобляется буржуазному изданию, отгородившемуся от широких масс.

Авторы писем выявили такие важнейшие недостатки газетного языка, как безграмотность, бюрократическая сухость, использование большого числа иностранных слов. При этом редакция специально подчеркивала, что отношение к заимствованиям в социалистическом обществе не имеет ничего общего с буржуазным пуризмом: «Мы избегаем иностранных слов не потому, что они иностранные, а потому, что они непонятны массам, и только в том случае, когда они непонятны» [Правда. 1934. № 359: 3].

В данной публикации был в очередной раз поставлен знак равенства между культурой речи и политикой: «Борьба за чистоту языка наших газет есть... борьба за чистоту путей пролетарской революции, за устранение всяких преград между словами революции и массами, за устранение всяких закоулков, в которых прячутся классово чуждые влияния».

Газеты навязывали аудитории упрощенное представление о простоте как единственном критерии качества речи. При этом кампания 1934 г. не дала читателям четких установок, предложив в различных публикациях несколько вариантов понимания того, с чем следует бороться в первую очередь: с иностранными словами, жаргонизмами и вульгаризмами или канцелярскими словами и оборотами речи.

В 1935 г. новой (или уточненной) мишенью для критики сделались «грубости» и «непристойности», в разряд которых зачислялись фактически все простонародные выражения. В мини-эссе «К спорам о языке» В. Шкловского такие слова, как «хахаль», были названы «дикими» фактами... грубость которых бесспорна» [Правда. 1934. № 34: 3]. В редакционной заметке, посвященной переизданию словаря В.И. Даля, говорилось об отрицательном опыте И.А. Бодуэна-де-Куртене, дополнившего знаменитый словарь «неприличными словами, сквернословиями, мерзостями площадного жаргона» [Правда. 1934. № 40: 6].

В таком историко-культурном контексте вышел в свет первый том «Толкового словаря русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова. Новое издание сразу же подверглось жесткой критике в «Литературной газете». Рецензенты К. Казимирский и М. Аптекарь писали, что словарь не дает представления об образцовом русском языке; пронизывающие его образцы мещанского, хулиганского и воровского жаргона, обилие примеров трактирно-рыночного быта делают его словарем отнюдь не того языка, «которым каждый день говорит наша литература, наша печать с миллионами трудящихся».

Критиков возмутило включение в словарь таких слов, как «брезгун», «жрун», «искряк», «кропотун», а также «ругательных и вульгарных выражений»: «втрескаться», «вшивый черт», «катись колбасой», «киношка», «кишка тонка». Чрезвычайно существенно, что рецензенты предпочли не заметить ясных ограничительных помет, которыми составители сопроводили как необщепотребительную, так и грубую лексику⁴. Исключительное,

⁴ Перечисленные слова и конструкции были представлены в словаре следующим образом: «**БРЕЗГУН** (разг. фам.) – то же, что брезгливец»; «**БРЕЗГЛИВЕЦ** – очень брезгливый человек»; «**ЖРУН** (простореч. вульг. пренебр.) – кто жадно и много ест, прожорливый человек»; «**ИСКРЯК** (разг. истор.) – то же, что искровец»; «**КРОПОТУН** (обл.) – человек медлительный в работе, вникающий в ненужные мелочи»; «**ВТРЕСКАТЬСЯ** (простореч. вульг.)»; «**ВШИВЫЙ** Употр. в бранных выражениях (простореч. вульг.) *Вшивый черт*»; «**КАТИТЬСЯ КОЛБАСОЙ** (нов. вульг.)»; «**КИНОШКА** (простореч. пренебр.)»; «**КИШКА ТОНКА** или **СЛАБА** (вульг. пренебр.) // Толковый словарь русского языка. Т. 1. 1935: 186, 878, 1234, 1526; 427, 1398, 1356, 1362. Представляется существенным тот факт, что данные слова и словосочетания почти не представлены в дореволюционных словарях, использовавшихся составителями «Толкового словаря русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова в качестве источников: так, в «Словаре Академии Российской» включены слова «брезгун» и «кропотун» (Словарь Академии Российской. Т. 1. 1789: 335; Т. 3. 1792: 970; в «Кратком толковом словаре русского языка» П.Е. Стояна есть только существительное «искряк», но в ином значении – «авантюрин» (Стоян 1915: 17). Это косвенно свидетельствует о том, что названные лексические и фразеологические единицы были зафиксированы составителями словаря под ред. Д.Н. Ушакова в художественных или публицистических текстах, причем с достаточной частотностью для попадания в словарь.

беспрецедентное по сей день внимание авторов словаря к смысловым и стилистическим оттенкам было интерпретировано как политически вредная неразборчивость. Среди серьезнейших претензий к словарю называлось включение в него «поповских» слов и выражений при недостатке технических и особенно политических терминов [Литературная газета. 1935. № 58: 4].

Как следует из письма С.И. Ожегова Д.Н. Ушакову, в декабре 1935 г. на обсуждении словаря в Институте языка и мышления М. Аптекарь выступал два с половиной часа, причем его выпады были «грубее, обвинения доносительнее», чем в газетной статье. Некоторые ученые, в частности Е.С. Истрина и С.П. Обнорский, покинули помещение, но в защиту редакторов словаря не высказались [Цит. по: Никитин 2001: 475–476].

Маррист Аптекарь усмотрел причину всех недостатков «Толкового словаря русского языка» в «неисправленном индоевропеизме». По его утверждению, составители продемонстрировали «буржуазное и мелкобуржуазное мышление», дав «политически незаостренные», «беззубые», «демобилизующие классовую борьбу» определения таким, например, словам, как «кадет» и «гайдамак». Интересно проследить трансформацию данных статей в следующем советском толковом словаре, составленном С.И. Ожеговым на основе «Толкового словаря русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова. В первом томе ушаковского словаря «КАДЕТ (полит.) – член или единомышленник существовавшей в России до революции (теперь в эмиграции) либерально-буржуазной конституционно-демократической партии...»; «ГАЙДАМАК (истор.) 1. в 17 и 18 вв. – украинский казак-постанец, участник борьбы против поляков. 2. Солдат особых конных частей украинской национальной армии времен Директории и петлюровщины (нов.)» [Толковый словарь русского языка. Т. 1 1935: 1278, 536]. В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова: «КАДЕТ. Член буржуазной, так наз. Конституционно-демократической партии в дореволюционной России, возглавившей с 1917 г. контрреволюционное движение»; «ГАЙДАМАК. 1. В ХУП–ХУШ веках: украинский казак, участник восстания против польских помещиков. 2. Солдат контрреволюционных отрядов во время гражданской войны на Украине» [Ожегов 1952: 227, 106. Подчеркнуто мною. – *Евг. Б.*]. Редакторская правка ярко демонстрирует решительную идеологизацию толкового словаря, расстановку политические акцентов, произведенную с помощью использования оценочных слов-ярлыков советского «новояза» «буржуазный» и «контрреволюционный», а также иронически снижающего выражения «так называемый».

Относительно свободный от резкой идеологизации первый том «Толкового словаря русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова подвергался критике со стороны как центральной, так и местной партийной прессы на протяжении нескольких лет. В выдержанной в значительно более мягком тоне, чем «Игруны» и выступление Аптекаря, рецензии П.Я. Черных прозвучали тем не менее пожелания,

связанные с идеологическим наполнением словаря. Например, автор отзыва рекомендовал составителям избегать термина «просторечие», поскольку его внутренняя форма порождает ложное представление, будто речь простого народа – это то же самое, что неправильная речь [Черных 1935: 105].

Доброжелательная в целом рецензия А. Печатникова также содержала частное замечание, имевшее неожиданный политический контекст: по мнению автора критического материала, в словаре были недостаточно полно отражены диалектные слова; отсутствовало, например, слово «конник», в то время как «Правда» опубликовала «Приветствие т. Ворошилова конникам Северного Кавказа» [Печатников 1936: 105].

Парадоксальным образом в одной из последующих рецензий указывалось, что «составители заходят уж чересчур далеко» в увлечении бытовой речью. В вину им ставилось включение в словарь таких не входящих «в золотой фонд языка» слов, как «магазея», «магазинщик», «магазинщица», «наодеколониться» и других [Казанцев 1938: 44–45]. Рецензент, как и его предшественники, оставил без внимания ограничительные пометы «устар.», «разг.» и «простореч.», которыми сопровождалась данные слова.

Нелогичные, на первый взгляд, колебания прессы, требовавшей от составителей словаря то большего, то меньшего внимания к нелитературным языковым средствам, можно объяснить двойственностью советской идеологии, которая неизменно превозносила все народное, но лишь в теории, а на практике раздраженно отштыфовалась от естественных, неочищенных проявлений народной культуры.

Работа над четырехтомным словарем была продолжена с учетом партийной критики. В этом смысле показательным появление книги «Словарь русского языка. Инструкции для редакторов», автор которой, акад. С.Н. Обнорский, указывал: «При подборе иллюстрирующих примеров учитывается не только наличие в примере данного слова, но и идеологическое, в частности политическое, содержание примера» [Обнорский 1936: 3–4]. В соответствии с этими указаниями редакция дополнила следующие тома примерами из произведений классиков марксизма и партийных деятелей, причем цитаты такого рода подбирались отнюдь не только в качестве иллюстративного материала к политическим терминам. Характерна в данном отношении статья «ПЕСТОВАТЬ», содержащая пример из работы И.В. Сталина: «25 лет пестовал товарищ Ленин нашу партию и выпестовал ее, как самую крепкую и самую закаленную в мире рабочую партию» [Толковый словарь русского языка. Т. 3. 1939: 241].

В целом история обсуждения в печати и дальнейшей доработки «Толкового словаря русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова свидетельствует как о существенном влиянии партийной прессы на академическую науку, так и о характерном для 1930–1950-х гг. официальном понимании «хорошего»,

«правильного», языка как языка политизированного, отражающего коммунистическую идеологию и, кроме того, «дистиллированного», свободного от нелитературных элементов.

Превращение толкового словаря в одно из средств воздействия на сознание носителя языка шло в трех основных направлениях: во-первых, словник очищался от лексем, отражавших реалии старого мира, и пополнялся советскими неологизмами, во-вторых, толкования ряда значений (прежде всего – общественно-политической лексики) превращались из лингвистических в энциклопедические с целью формирования и закрепления в сознании читателей системы понятий марксистско-ленинского учения. Наконец, в-третьих, происходило параллельное очищение словника и от сугубо книжной, и от вулгарной лексики. Первая рассматривалась как непонятная простому народу, вторая – как пережиток его дикого дореволюционного состояния. В результате словарь становился отражением не истинного положения дел в языке, а одной из мифологем эпохи тоталитаризма – представления о культурном и идейном народе, строящем коммунизм.

Словарь, в полной мере отвечавший специфическим требованиям официальной идеологии, так и не был создан в советский период отечественной истории. Его рождению неизменно препятствовала высокая культура составителей, находивших способы обойти значительную часть идеологических ограничений. «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова и по сей день остается одним из высоких, а во многом и недостижимых образцов русской лексикографии.

Но при этом в общественном сознании живет, то и дело реализуясь в выступлениях средств массовой информации, советский миф о «чистоте языка», к которой якобы надо стремиться и достижению которой должно способствовать содержание лингвистических словарей. Ярким примером торжества мифа может служить кампания в СМИ 2009 г., в ходе которой журналисты утверждали, будто бы в России совершилась «реформа русского языка». Журналисты призывали общественность выступить в защиту русского языка в связи со вступлением в силу 1 сентября приказа министра образования "Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации". Например, ведущая одной из программ радио «Эхо Москвы» обратилась к своему гостю с сообщением: «С 1 сентября можно будет вот так говорить: *брачащиеся заключили договор, что по средам будут пить вкусное кофе с йогуртом*. Потому что завтра вступает в силу приказ номер 195 Министерства образования и науки, который закрепляет как основные четыре словаря.

Эти словари получают статус официальных и в них, в частности, считается, что такое употребление слов с таким ударением является нормальным» [http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/616392-echo]. Жупелами вымышленной «реформы» стали средний род существительного «кофе» и ударение на втором слоге в слове «йогурт», в то время как официально объявленные нормативными словари всего лишь отразили объективные речевые факты⁵.

Паническое отношение общественности и к изменениям в речевой практике, и к их фиксации в лингвистических словарях свидетельствует о том, что советский миф о «чистоте языка» отнюдь не изжит. Чтобы освободиться от него, решительно мало изменений в общественно-политической сфере. Для формирования в общественном сознании достоверного представления о закономерностях языковой эволюции необходима каждодневная кропотливая просветительская работа. И создание словарей остается чрезвычайно важной ее составляющей.

ЛИТЕРАТУРА

- Архив РАН. Ф. 502. Оп. 3.
 Букчина Б.З., Сазонова И.К., Чельцова Л.К. Орфографический словарь русского языка. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2000.
 Климайте Д.Ю. Борьба за чистоту русской литературной речи в первой половине 30-х годов советской эпохи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1989.
 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 51. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1970.
 Никитин О.В. Собрание С.И. Ожегова в Архиве РАН // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. – М.: Индрик, 2001. С. 402–409.
 Обнорский С.Н. Словарь русского языка. Инструкция для редакторов. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1936.
 Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 2-е. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1952.
 Печатников А. Замечания к Толковому словарю русского языка (Из доклада в Московской диалектографической комиссии Института языка и мышления АН 18 февраля 1935 г.) // Средняя школа. 1936. № 7. С. 104–111.
 Проф. Казанцев. Словарь русского языка // Большевицкая печать. 1938. № 16. С. 44–45.
 Резниченко И.Л. Орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение. – М.: Астрель: АСТ, 2008.
 Словарь Академии Российской. Т. 1–6. – СПб.: Имп. Академия Наук, 1789–1794.
 Стоян А.П. Краткий толковый словарь русского языка. СПб.: Издание В.Я. Макушкина, 1915.
 Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1, 3. – М.: ОГИЗ, 1935.
 Черных П.Я. Толковый словарь русского языка. Т. 1 // Новая Сибирь. 1935. № 5. С. 104–107.

⁵ Информация о том, что слово «кофе» имеет в качестве разговорного варианта средний род, содержится в «Орфографическом словаре русского языка» Б.З. Букчиной, И.К. Сазоновой и Л.К. Чельцовой начиная с первого издания 2000 г. См.: Букчина Сазонова Чельцова 2000: 410. Ударение на второй слог в слове «йогурт» оценивается «Орфоэпическим словарем русского языка» И.Л. Резниченко как устаревшее. См.: [Резниченко 2008: 402].

Данные об авторе

Басовская Евгения Наумовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой медиаречи Института Массмедиа Российского государственного гуманитарного университета (Москва).

Адрес: 125267, г. Москва, Миусская площадь, д. 6.

E-mail: jeni_ba@mail.ru

About the author

Basovskaa Evgeniya Naumovna is a Doctor of Philology, Associate Professor, head of the Media Institute speech Media the Russian State University for the Humanities (Moscow).